

ВЕХИ ИСТОРИИ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ 1914 – НАЧАЛА 1920-Х ГГ.: ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

Шевчук Юлия Вадимовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, julyshevchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3784-2100>

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития женской лирики в России 1914 – начала 1920-х гг. под влиянием внешних обстоятельств. Переживания, связанные с событиями Первой мировой и гражданской войн, с переломным для страны 1917 г., нашли драматическое воплощение в поэзии А. Ахматовой, А. Герцык, В. Малахиевой-Мирович, В. Меркурьевой, Л. Столицы. Женское переживание катастрофы происходит на границе понимания ситуации и ее «вещественно»-интуитивного постижения, создается ощущение материальности момента, эмоционально-оценочной реакции на него. В лирике воинственный дух гражданина, готового пожертвовать жизнью, соединяется с нежностью и силой, охраняющей дом, семью, материнство. Женский взгляд отличается ярко выраженной ориентацией на элементы народного мировосприятия, возрастает роль мифопоэтических образов и мотивов, актуализируются жанры фольклора и духовной поэзии. Момент истории эксплицируется через городское пространство, в котором прочитываются знаки индивидуальной и коллективной судьбы. Город и дом входят в семантическое пространство родной страны, России. Вера, любовь и материнство определяют отношение к происходящему как к человеческой трагедии и надвигающемуся Апокалипсису, Возмездие за грехи. Отражая вехи мировой и отечественной истории, женщины-поэты выходят за пределы первоначальной камерности, развивают эпические образы и мотивы в творчестве. В стихотворениях, написанных от лица современников, лирическое «я» сливается с «мы», в них авторы достигают трагической высоты изображения судьбы своего поколения и России.

Ключевые слова: историзм, образы, мотивы, гражданская лирика, А.А. Ахматова, А.К. Герцык, В.Г. Малахиева-Мирович, В.А. Меркурьева, Л.Н. Столица.

Для цитирования: Шевчук Ю.В. Вехи истории в русской лирике 1914 – начала 1920-х гг.: женский взгляд // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 69–76. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-69-76>

Research Article

MILESTONES OF HISTORY FROM 1914 TO THE EARLY 1920s: RUSSIAN FEMALE LYRIC POETS

Yulia V. Shevchuk, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia, julyshevchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3784-2100>

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of women's lyrics in Russia from 1914 to the early 1920s under the influence of external circumstances. The feelings connected with the events of World War I and the Russian Civil War, the turning point between which saw revolutions of 1917, found dramatic embodiment in the poetry of Anna Akhmatova, Adelaida Gertsyk, Varvara Malahieva-Mirovich, Vera Merkur'yeva, Lyubov' Stolitsa. A purely feminine sense of catastrophe occurs on the borderline of understanding the situation and its 'material'-intuitive comprehension; it creates a sense of the materiality of the moment and an emotional and evaluative reaction to it. In the lyrics, the militant spirit of a citizen ready to sacrifice own life, is combined with tenderness and strength that protects the home, family, motherhood. The female gaze is characterised by a pronounced orientation towards elements of folkish worldview; the role of mythopoetic images and motifs increases; the genres of folklore and spiritual poetry are actualised. The moment of history is explicated through the urban space, in which the signs of individual and collective destiny are read. The city and home are included in the semantic space of the motherland – Russia. Faith, love and motherhood define the attitude to what is happening as a human tragedy and almost as an impending Apocalypse, given for grave sins. Reflecting the milestones of world and Russian history, the poetesses go beyond the original chamber setting and rather develop epic images and motifs in their creative

work. In the poems written on behalf of contemporaries, the lyrical “I” merges with “us”; the authoresses reach the tragic height of depicting the fate of their generation and the whole of Russia in the poems.

Keywords: historicism, images, motifs, civic lyrics, Anna Akhmatova, Adelaida Gertsyuk, Varvara Malahieva-Mirovich, Vera Merkur'yeva, Lyubov' Stolitsa

For citation: Shevchuk Y.V. Milestones of history from 1914 to the early 1920s: Russian female lyric poets. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 69–76 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-69-76>

Лирические произведения Анны Ахматовой, Аделаиды Герцык, Варвары Малахеевой-Мирович, Веры Меркурьевой, Любви Столицы, написанные в переломные для России годы войн и революций, отражают женское переживание катастрофы на границе понимания ситуации и ее «вещественно»-интуитивного постижения. Воинственный дух гражданина, вставшего на защиту культурных и религиозных ценностей, соединяется в них с женской силой, охраняющей дом, семью, материнство. Классикой поэзии XX в. стала гражданская лирика Ахматовой, в том числе ее книга «Белая стая» (1917), менее известны современному читателю «Дни гнева, дни скорби» (1917) Меркурьевой, «Подвальные» (1921) Герцык, «Батайские дни» (1919) Малахеевой-Мирович, «Из песен девицы-добровольца» (1914–1915) Столицы. Одни произведения сразу были отданы в газеты и журналы («Накануне», «Биржевые ведомости», «Женское дело», «Журнал для женщин», «Женская жизнь»), вошли в состав коллективных и авторских поэтических сборников, другие – долгое время не печатались в России и увидели свет только во второй половине прошлого столетия и в наше время¹.

Художественное восприятие авторами событий десятилетия отечественной истории (1914–1924) отличается ярко выраженной ориентацией на элементы народного мировосприятия – в женской поэзии возрастает роль *мифопоэтических образов и мотивов*. Так, откликом Ахматовой на начало Первой мировой войны стал цикл «Июль 1914» («Пахнет гарью. Четыре недели...», 1914; «Можжевелика запах сладкий...», 1914). Известие о вступлении России в войну застало поэта в Слепневе, имении Гумилевых. Война воспринимается сквозь призму крестьянского сознания, деревенскими жителями она истолковывается как Божеское Наказание засухой, требующее от людей искупления грехов. В финале первого стихотворения появляется образ защитницы Богородицы, расстилающей «над скорбями великими плат»; во втором – страдающая земля ассоциируется со Спасителем, с Его крестными муками. Лирическое напряжение, ценностная экспрессия выражаются опосредованно – через описания природы и голоса «одноногого прохожего», плачущих вдов, «молящего».

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил» [Ахматова: 198].

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих» [Ахматова: 199].

И в дальнейшем Ахматовой трагические события в российской и мировой истории будут осмыслены как годы всенародного горя и подвижничества («Реквием», 1935–1940; «Ветер войны», 1940-е). Нерасторжимую связь поэта и времени образно обозначил О.Э. Мандельштам: «Она – плотоядная чайка: где исторические события, там слышится голос Ахматовой, и события – только гребень, верх волны: война, революция» [Герштейн: 170]. В моменты исторических катастроф, по Ахматовой, главная задача поэзии – сказать свое полновесное и внушительное слово, запечатлеть переживаемое в потоке времен и культурного сознания. Поэт, как летописец современности, способен разглядеть ту самую субъективно-значимую деталь, смысл которой прояснится годы спустя, и окажется, что в прошлом именно она была знаком судьбы, предвестницей будущего. Чтобы исполнить свое предназначение, художник выходит за пределы первоначальной камерности, развивает эпические образы и мотивы («Памяти 19 июля 1914», 1916):

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей,
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозных вестей

[Ахматова: 269].

С народом ахматовскую героиню соединяет беда, которую принесла внезапно начавшаяся война («Мы на сто лет состарились, и это / Тогда случилось в час один...»). Мотив индивидуального страдания, получивший развитие в центральном четверостишии и связанный с образом Христа, молящегося в Гефсимании, в финале стихотворения «подключается» к теме общей судьбы и культурной памяти. Память-книга лирической героини, возможно, восходит к вет-

хозаветному образу. Пророк Моисей, готовый взять на себя грех народа, обращается к Богу со словами: «Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал». Господь отвечает Моисею: «Того, кто согрешил предо Мною, изгладь из книги Моей» (Исх. 32: 32–33).

В произведениях социально-исторической проблематики Ахматова, как правило, описывает страдания отдельного «я» как одного из многих. Иным вариантом представления героини является изображение ее исключительности и духовного самоутверждения в поэзии Столицы. В статье «О современном лиризме» (1909) И.Ф. Анненский характеризует стихотворения поэтессы как «наделенные яркой чувственностью, осязаемостью» [Анненский: 354]. Таковы и произведения, включенные составителями в тематический цикл «Из песен девицы-добровольца» (1914–1915). Женщина-воин выделяется богатырскими чертами, она отважна и решительна:

Я девичью ногу – в стремя,
Золотой шишак – на темя, –
И несусь
В бой за Русь [Столица: 358].

Лирическая героиня, прекрасно понимая, что обычная доля женщины «лишь шитье одно да печиво», и бунтуя против заведенного порядка, бросает вызов сразу всем возможным врагам – внешним и внутренним («Ох, ты, жизнь девичья, сонная!»). Песенная основа произведений, архаизмы, фольклорные образы и мотивы не мешают автору выражать порывы современной женской души: жертвовать на войне приходится не только жизнью, но и полом. Только во время тайных купаний в ручье героиня становится «впрямь девицей» («Я – доброволец радостный»), а женское счастье достается ей после смерти («Стаи дикие лебязие...»).

Красоту былую девичью
Смерть на лик мой навела
И Егорью-Королевичу
В жены, храбрую, дала.
Кудри солнечные глажу я,
В синезарный взор гляжу!..
Песня дальняя лебязяя...
Умерла... Лечу... Лежу...

[Столица: 359].

Революцию Столица не приняла, эмигрировала в Болгарию и тосковала там по России до конца дней своих. В глубоко трагическом сонете «Родине» (1918) страна у нее ассоциируется с кладбищем: «Кругом одни холмы темнеющих могил» [Столица: 392]. Стихотворение было опубликовано в номере газеты «Накануне» (1918, № 1, 7 апреля / 25 марта) и стало одним из первых в творчестве Столицы, посвященных теме утраченной родины – актуальной для нее в 1920–1930-е гг.

Переломный момент истории в женской поэзии начала века также эксплицируется через *городское пространство*, в котором прочитываются знаки индивидуальной и коллективной судьбы. В ахматовской лирике предвоенный Петербург – город между небом и землей – мифологизируется в сознании лирической героини, однако внешне столица сохраняет вполне реалистические очертания. Важнейшей для автора является оппозиция «мужского» и «женского», которая соотносится с мотивом покорения Петром «пустынных волн» реки, имеющим в русской литературе достаточно разработанный семантический контекст («О, это был прохладный день...», 1913; «Стихи о Петербурге», 1913; «В последний раз мы встретились тогда...», 1914). В стихотворениях Ахматовой 1912–1914 гг. ситуация любовной борьбы перерастает в противостояние поэтов: пейзаж «чудесного» города отражает высокие идеалы и устремления женщины-художника, чья скрытая сила души, уподобленная «темноводной» Неве, пробуждается и грозит выйти из своих берегов. Лирическое переживание городского пространства отражает состояние женской души, свидетельствует о ее готовности петь не только о любви, но и о событиях национального масштаба. Л.К. Чуковская справедливо указывала на то, что Ахматова постоянно ощущала себя и свою судьбу связанной с мировой культурой и историей: «<...> Пушкин, Дант, Шекспир, Петербург, Россия, война... Она не может ни любить, ни ссориться в стихах, не указав читателю с совершенной точностью момент происходящего на исторической карте» [Чуковская: 134].

Образ Петербурга в стихотворениях Ахматовой первой половины 1914 г. становится предвестником Апокалипсиса и местом, подсказывающим героине новый путь, еще не осознанный, но уже настраивающий ее на высокую жертву («А я, закрыв лицо мое, / Как перед вечною разлукой, / Лежала и ждала ее, / Еще не названную мукой» [Ахматова: 179]). Крылатые фигуры чугунных ангелов, установленные на арке «на Галерной», напоминают о наступающем Судном дне («Как ты можешь смотреть на Неву...», 1914):

Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд.
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут [Ахматова: 173].

В стихотворении «На разведенном мосту...» (1917–1919) события февральской революции и октябрьского переворота Ахматова воспринимает в образе внезапно разведенного моста – как резкий надлом времени и судьбы человека:

На разведенном мосту
В день, ставший праздником ныне,
Кончилась юность моя [Ахматова: 324].

История в стихотворениях была услышана Ахматовой как прозвучавший в воздухе залп («И целый день, своих пугаясь стонов...», 1917). Атмосфера, воцарившаяся в столице, передается через описание уличного гула, в котором «великопостный звон» церковных колоколов сливается с «беспорядочной стрельбой» («Я в этой церкви слушала Канон...», 1917). Тотальное присутствие смерти осмысливается поэтом как мощный стимул к покаянию и очищению. Упомянутый в стихотворении Канон Андрея Критского – выдающееся произведение церковной гимнографии – представляет собой развернутый диалог человека со своей душой. Судьбоносный период русской истории совпадает с «семью неделями», предваряющими Христову Пасху.

Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный,
И с той поры великопостный звон
Все семь недель до полночи пасхальной
Сливался с беспорядочной стрельбой,
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не встретиться... И смуту
..... судьбой

[Ахматова: 322].

Образ женщины из народа сближает лирику Ахматовой и Меркурьевой, индивидуальный стиль поэзии которой критики сравнивали со стилем заговоров и заклинаний. В отличие от Ахматовой, она поэт Москвы. «Одним из самых сильных стихотворений революционного года» назвал М.Л. Гаспаров сонет Меркурьевой «Пробоина – в Успенском соборе...» (1917) из цикла «Дни гнева, дни скорби»². При обстреле Кремля красной артиллерией был пробит церковный купол.

Пробоина – в Успенском соборе,
Пробоина – в Московском Кремле.
Пробоина – крошечное горе –
Пробоина – в сраженной земле.
<...> Пробоина – где мы в ней и что мы?
Пробоина – бездна поглотила.

Пробоина – нет вся Руси [Меркурьева: 119].

В последних числах декабря 1917 – начале 1918 г. Меркурьева пишет «Сон о Богородице», где центральным является также образ Москвы революционной. Речь идет о святочных днях, когда совершается тайна встречи старого мира с новым, чудо перерождения и очищения в мистическом соединении Жизни и Смерти, Богородицы и Метелицы. Понимание поглощающей силы революции, готовность к смерти в том случае, если новая жизнь не примет в свое лоно лирическую героиню и ее товарищей по культуре, прочитываются в стихотворении Меркурьевой «Стансы» (1918).

<...> На лобном месте, веку злого
Лихие вина испутив,

Мы верно сдержим наше слово,
Не изменив, не отступив.

Совьем лирические бредни
В созвучий вольных коловерть –
И кончим ямб, свой ямб последний
Прощальной рифмой к слову «смерть»

[Меркурьева: 43].

То же переживание неизбежного эшафота, готовность войти в новую жизнь без отречения от прежних культурных ценностей или умереть обнаруживаются и в ахматовском стихотворении «Петроград, 1919» (1920). Автор пишет об одолевающем современников ужасе, но в последней строфе страх неожиданно перекрывается верой в непрерывную связь поколений, которая осуществляется культурой. Голос хора сограждан (один из вариантов заглавия – «Согражданам») звучит как соборная молитва.

И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
<...> Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет

[Ахматова: 348].

В стихотворениях, написанных поэтами от лица современников, потрясающе сильно звучит лирическое «мы». Сближает Меркурьеву с Ахматовой и мотив нищеты в настоящем, которая заставила лирическую героиню и окружающих переоценить свое положение в прошлом и ощутить духовный подъем во время голода («Голодная», 1922). К Богу обращены слова героини Меркурьевой:

Тебя не увидели
Мы сытые –
В предсмертной тоске, в покаянном ужасе
Ты нам обнаружился.
Слава же Тебе вовек,
Показавшему нам свет [Меркурьева: 381].

В образе нищенки, городской сумасшедшей в военные годы предстает ахматовская героиня. Потрясение горем очищает душу и проясняет память женщины, которая как священный долг воспринимает задачу сохранить прошлое («Думали: нищие мы, нету у нас ничего...», 1915; «Будешь жить, не зная лиха...», 1915).

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом <...> [Ахматова: 252].

Цикл «Батайские дни» (1919), посвященный городу, находящемуся неподалеку от Ростова-на-Дону, после революции неоднократно переходившему от белых к красным и наоборот, включила в руко-

писную книгу «Во дни войны» Малахияева-Мирович. Драмы разыгрываются на улицах города. Участники событий – люди разных поколений (дети, их родители и старики), явь и сновидение наполняют друг на друга, звучат голоса горожан, их свидетельства. Одной из самых сильных в цикле является сцена смерти старухи на улице:

В череду умерла старушка.
Простояла всю ночь в череду,
Не дождалась хлеба и села.
На рассвете грянула пушка.
Разбежались все, а она – на льду,
Как живая до полдня сидела

[Малахияева-Мирович: 185].

В поле зрения женщин-поэтов попадают не просто лица из толпы, но прежде всего *мужья, возлюбленные и дети*, с ними связаны мотивы мученичества и сиротства, а также важнейший для женского сознания концепт *дома*. В стихотворении Ахматовой «Утешение» (1914) убитый «в объётой пожарами, скорбной Польше» возлюбленный причисляется к святой рати, «Божьему воинству»:

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему [Ахматова: 208].

Тему женского мужества и гражданского порыва раскрывает мотив священной жертвы, которую совершает ахматовская героиня, ради России отрекаясь от того, что для нее дороже собственной жизни, – от переживаний материнства, любви и творчества («Молитва», 1915).

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей [Ахматова: 231].

Во время войны Ахматова создает «Колыбельную» (1915), в которой признается: «Я дурная мать». В центре внимания – внутренний мир матери. Если в традиционной колыбельной находят отражение женские идеалы и мечты, то здесь ребенку адресована тревожная, неутешительная исповедь и материнское раскаяние. Поэт пишет о безоговорочном неприятии войны с точки зрения женщины:

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца [Ахматова: 251].

Форма женского плача-причитания в стихотворении «Для того ль тебя носила...» (1918), посвященном Виктору Горенко – белогвардейцу, младшему

брату Ахматовой, которого в семье ошибочно считали погибшим, позволила автору выразить свое отношение к происходящему как к человеческой трагедии, отодвинув на второй план социально-политическую оценку событий гражданской войны.

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
<...> На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет [Ахматова: 329].

Материнскому горю также посвящены трагические строки Герцык – поэта круга символистов. В жанре молитвы написано стихотворение «Господи, везде кручина!» (1921). Мать, ищущая спасения в вере, не в состоянии смириться с тем, что смерть сына могла быть осуществлением Божьей воли.

Господи, везде кручина!
Мир завален горем, бедами!
У меня убили сына,
С Твоего ли это ведома? [Герцык: 164].

Дети вносят светлое настроение в лирику Герцык, с ними лирическая героиня связывает надежды на будущее возрождение мира («Женщинам», 1919):

Им нужно, чтоб их любили,
И нужно, чтоб их одели...
О, если б они свершили
Все то, что мы не сумели! [Герцык: 157].

Если время Первой мировой войны в женской поэзии ощущается как приближение «страшных сроков», то революционные события и гражданская война воспринимаются как *Апокалипсис*, *Судный день*, *Возмездие за грехи*. У Ахматовой в лирике второй половины 1910-х гг. жестом, означающим недоумение и невыразимое страдание лирического «я», становится положение рук на лицо («Закрыв лицо, я умоляла Бога / До первой битвы умертвить меня»; «И только совесть с каждым днем страшней / Беснуется: великой хочет дани. / Закрыв лицо, я отвечала ей... / Но больше нет ни слез, ни оправданий» [Ахматова: 269, 273]). Поэт не идеализирует образ родной земли, напротив, пишет о чувстве стыда, которое охватывает при взгляде на грехопадение людей («Отрывок», 1916 <?>):

.....
О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не смей поднять глаза к высокоим небесам

[Ахматова: 285].

В 1917 г. создано стихотворение о Петрограде «Когда в тоске самоубийства...», в котором значимым

является мотив грехопадения города, восходящий к Книге Пророка Исайи: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы» (Ис. 1: 21).

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее... [Ахматова: 316].

Величие жеста («руками я замкнула слух») выдает решительную позицию героини, которая не собирается оставлять родной город на произвол судьбы.

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух [Ахматова: 316].

Эсхатологические мотивы переполняют и лирику Герцык. В большевистском подвале-тюрьме в Судачке, в котором она провела три недели в январе 1921 г., был создан поэтический цикл «Подвальные». Спустя несколько лет на свет появились «Подвальные очерки» (1924–1925). Центральный образ в стихотворениях «Нас заточили в каменный склеп», «В этот судный день, в этот смертный час...», «Ночь ползет, тая во мраке страшный лик», «Я заточил тебя в темнице» – подземелье. Переживание лирической героини выписано психологически точно: страх, физическое страдание, соприкосновение со смертью, неистовая молитва, двоение сознания и религиозный подъем. При всем понимании безжалостности судей и свирепости стражей, Герцык пишет не столько о терроре властей, сколько о духовном мраке, глубочайшем сомнении в душевных силах, в вере. Русская интеллигенция в начале 1920-х гг. под воздействием физической катастрофы ощущает исчерпаемость внутренних сил и неотвратимость новой власти – это есть и в подвальных молитвах Герцык, несмотря на то, что последняя из них содержит мотивы религиозного оправдания страдания и возрождения веры в чудо обновления.

Лишь здесь, в могиле предрассветной,
Твой ум постиг,
Как часто пред тобой и тщетно
Вставал Мой Лик.
<...> Так чей-то голос в сердце прозвучал.
Как сладостен в темнице плен мой стал

[Герцык: 164].

В лирическом высказывании героини слышится голос поколения, которому в России или в эмиграции суждено будет прожить две жизни – «до» и «после» перелома: «все бывшее – небылицей стало уж для нас», «эта боль – это расплата за недавний смех», «ни эти возгласы, ни речи, – не я!» [Герцык: 166, 167, 168]. В новую жизнь лучше входить налегке, без прошлых вещей, продолжающих держать в плену сознание героини («Когда-то любила я книги...», 1922).

Революцию как Возмездие и предвестие духовной Свободы воспринимает Малахьева-Мирович. От имени Революции в 1924 г. она пишет стихотворение «Я – революция. Я пламень мировой», в котором возникают образы «пожаров гнева», «меча возмездья», мира как «единой семьи» и «дитя» революции, то есть самой Свободы. Через два года поэт, однако, призывает:

О, революция! Пора сменить твой лик
И тряпку красную в архив бывшего спрятать

[Малахьева-Мирович: 260].

Чтобы исполнить высшее предназначенье – «внести свободный дух на самый верх горы, / Откуда новое пойдет времен теченье», – следует, по мнению Малахьевой-Мирович, перестать перетасовывать старые ценности и отказаться от классового подхода к ценностям как от наивной уловки.

Прямая оценка действий новой власти практически не звучит в поэзии Ахматовой, исключением можно считать стихотворение «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» (1922). В военные годы поэт, как многие современники, задумывается о проблеме выбора жизненного пространства в ситуации социально-исторического кризиса. Находясь с родными на даче Шмидта близ Севастополя, Ахматова в 1916 г. создает стихотворение «Когда в мрачнейшей из столиц...», посвященное Б.В. Анрепу, в котором представляет свой отъезд в Песочную бухту как бегство из столицы под покровом петроградской ночи:

<...> Рукою твердой, но усталой
На чистой белизне страниц
Я отречение писала
<...> Но неожиданная ночь
Покрыла город предосенний,
Чтоб бегству моему помочь,
Расплылись пепельные тени

[Ахматова: 270].

Мечта о путешествии в Англию описывается как реальное событие в миницикле «Сантиментальное путешествие» (1917), состоящем из произведений «Просыпаться на рассвете...» и «Это просто, это ясно...». Первая публикация стихотворения «Это просто, это ясно...» в газете «Петроградское эхо» (1918, 22 января) вышла со следующими строками 9–11: «Оттого, что, бросив друга / И единственного сына, / Бросив город мой заветный <...>» [Ахматова: 844]. Упоминание «единственного сына», «друга» и «заветного» города создавало впечатление автобиографичности произведения. Конечно, это была игра поэтической фантазии, однако родилась она от реальной ситуации выбора, который стоял перед автором.

В конце 1910-х – начале 1920-х гг., когда отъезд из России уже не воспринимается как временная мера спасения, Ахматова ориентируется на идею

безусловной ценности родного дома и коллективно-го переживания беды в родной стране. Решительнее многих она заявляет о своей позиции в стихотворении «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922). «Последняя зима» перед Первой мировой войной является точкой отсчета нового века, а поза оглянувшейся героини и ее поколения становится у Ахматовой фигурой умолчания, за которой прочитывается скорбное прощание автора с эпохой, боль от невосполнимых утрат поколения и невозможность войти в новую жизнь, отбросив прошлое («Тот голос, с тишиной великой спора...», 1917; «Лотова жена», 1924).

Тот голос, с тишиной великой спора,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.
Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный Летний сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад
[Ахматова: 293].

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд
[Ахматова: 402].

Ахматова, Меркурьева, Малахиева-Мирович стали свидетелями событий Второй мировой войны.

Итак, приведенные выше произведения, посвященные вехам отечественной и мировой истории, являются глубоко лирическими и драматическими по своей природе, в них создается ощущение «вещественности» момента, эмоционально-оценочной реакции на него. В связи с событиями Первой мировой войны и последующими историческими катаклизмами в России неличные, эпические мотивы возникают и интенсивно развиваются в женской поэзии, позволяя ей постепенно набрать силу и, наконец, преодолеть первоначальную камерность и сосредоточенность на интимной тематике. Очевидно, что голос Ахматовой выделяется из хора голосов современниц своим волевым, действенным началом, внутренний строй ее лирики отличается драматизмом «закрытым, молчаливым, стоически – по-мужски – укрошенным» [Колобаева: 130].

Символично-мифологический психологизм 1910-х гг., питающийся от культурных русских корней, по мере нарастания драматизма исторических обстоятельств, сменяется в женской поэзии изображением человеческой трагедии поколения рубежа веков, национальной беды. В поэзии Столицы лихая «девица-доброволец» военных лет уступает место плакальщице-эмигрантке из 1920-х гг. Образы города и России обретают черты не символического

пространства, теряющего устойчивость и основательность, а места, где буквально рушатся дома, семьи и судьбы у Меркурьевой, Малахиевой-Мирович, Герцык. С приходом в 1914 г., по словам Ахматовой, «некалендарного» XX в. женская поэзия исторической темой преобразилась и продолжила свой путь значительных художественных обретений и невосполнимых человеческих потерь.

Примечания

¹ В статье «Ахматова и “Весенний салон поэтов”» Г.В. Петрова обращается к проблеме ахматовских публикаций в периодических изданиях, альманахах, сборниках. В центре внимания исследователя неавторский «цикл», составленный из стихотворений 1914–1917 гг., посвященных военным событиям [Русские поэты: 20–30].

² Цит. из статьи М.Л. Гаспарова «Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь», опубликованной в Собрании стихотворений Меркурьевой (с. 499–542) [Меркурьева, 2007: 512].

Список литературы

Источники

- Ахматова А.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941 / сост., подг. текста, коммент. и ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. 968 с.
- Герцык А.К.* Из круга женского: Стихотворения, эссе / сост. Т. Жуковская. М.: Аграф, 2004. 483 с.
- Малахиева-Мирович В.* Хризалида. Стихотворения / сост., подг. текста, ст. и коммент. Т. Нешумовой. М.: Водолей, 2013. 608 с.
- Меркурьева В.* Тщета: Собрание стихотворений / сост., подг. текста и примеч. В.А. Резвого, статьи М.Л. Гаспарова. М.: Водолей Publishers, 2007. 606 с.
- Столица Л.Н.* Голос Незримого: в 2 т. Т. 1: Стихотворения. Роман в стихах / сост., подг. текста и примеч. Л.Я. Дворниковой и В.А. Резвого. М.: Водолей, 2013. 728 с.

Исследования

- Анненский И.Ф.* О современном лиризме («Оне») // Критика русского символизма: в 2 т. Т. 2. М.: ООО «Издательство “Олимп”», ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 333–359.
- Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 528 с.
- Колобаева Л.А.* И мужественность, и женственность (О своеобразии лиризма Анны Ахматовой) // Колобаева Л.А. От А. Блока до И. Бродского. О русской литературе XX века. М.: ООО «Русский импульс», 2015. С. 127–133.
- Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966) / отв. ред. Г.В. Петрова. М.: Азбуковник, 2021. 472 с.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М.: Согласие, 1997. 544 с.

References

Annenskii I.F. *O sovremennom lirizme ("One")* [About modern lyricism ("One")]. *Kritika russkogo simbolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian symbolism: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, OOO "Olimp" Publ., OOO AST Publ., 2002, pp. 333–359. (In Russ.)

Gershtein E. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1998, 528 p. (In Russ.)

Kolobaeva L.A. *I muzhestvennost', i zhenstvennost' (O svoeobrazii lirizma Anny Akhmatovoi)* [Both masculinity and femininity (On the peculiarity of Anna Akhmatova's lyricism)]. Kolobaeva L.A. *Ot A. Bloka do I. Brodskogo. O russkoi literature XX veka* [From A. Blok to I. Brodsky. About Russian literature of the

XX century]. Moscow, OOO "Russkii impul's" Publ., 2015, pp. 127–133. (In Russ.)

Russkie poety XX veka: materialy i issledovaniia. Anna Akhmatova (1889–1966) [Russian poets of the XX century: materials and research. Anna Akhmatova (1889–1966)], ed. by G.V. Petrova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, 472 p. (In Russ.)

Chukovskaia L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi. 1938–1941* [Notes about Anna Akhmatova. 1938–1941]. Vol. 1. Moscow, Soglasie Publ., 1997, 544 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 07.11.2024; принята к публикации 08.11.2024.

The article was submitted 03.10.2024; approved after reviewing 07.11.2024; accepted for publication 08.11.2024.